

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Речь, вызвавшая аплодисменты. —
Представление доктора Самуэля Фергюссона
собранию. — «Excelsior». — Портрет доктора
Фергюссона. — Убеждённый фаталист. —
Обед в «Клубе путешественников». —
Провозглашение тостов.*

Заседание Лондонского Королевского географического общества 14 января 1862 года в здании на площади Ватерлоо, № 3 было весьма многолюдным. Президент общества сэр Френсис М... делал своим почтенным коллегам важное сообщение, и речь его часто прерывалась аплодисментами. Это выступление — редкий образец красноречия — завершилось наконец следующими напыщенными фразами, в которых целым потоком изливались патриотические чувства:

— Англия всегда шествовала во главе других наций. (Заметьте: нации всегда шествуют во главе друг друга.) Этим она обязана бесстрашию своих путешественников-исследователей и их географическим открытиям. (*Оживлённые возгласы одобрения.*) Доктор Самуэль Фергюссон, один из её славных сынов, не посрамит своей родины. (*Со всех сторон: «Нет! Нет!»*) Если его попытка удастся (*«Конечно, удаст-*

ся!»), то наши разрозненные сведения о географии Африки будут дополнены и связаны в одно целое. (*Бурное выражение одобрения.*) Если же она потерпит неудачу («*Никогда! Никогда!*»), то, во всяком случае, войдёт в историю как один из наиболее отважных замыслов человеческого гения... (*Неистовый топот ног.*)

— Ура! Ура! — кричали присутствующие, наэлектризованные этими волнующими словами своего президента.

— Ура неустранимому Фергюссону! — вырвалось у одного из самых восторженных слушателей.

Крики воодушевления неслись со всех сторон. Имя Фергюссона было у всех на устах, и мы имеем основание думать, что оно звучало особенно убедительно, вырываясь из глоток англичан. Зал заседаний содрогался от этих криков.

Ведь здесь было много тех самых бесстрашных путешественников, исколесивших пять частей света, теперь состарившихся, утомлённых, но когда-то полных энергии. Все они благодаря своей физической или моральной стойкости спаслись от кораблекрушений и пожаров; всем им грозили и томагавк индейца, и дубина дикаря, и столб пыток, и опасность попасть в желудок полинезийца. И тем не менее во время доклада сэра Френсиса М... сердца старых путешественников бились восторженно и в Лондонском географическом обществе ещё не было примера столь шумных оваций оратору.

Но в Англии энтузиазм выражается не только словами, он порождает деньги быстрее, чем королевский монетный двор. Тут же на заседании было принято решение выдать доктору Фергюссону для осуществления его плана две тысячи пятьсот фунтов стерлингов. Значительность суммы соответствовала важности предприятия.

Один из членов общества обратился к президенту с вопросом, не будет ли доктор Фергюссон официально представлен собранию.

— Доктор ждёт распоряжений собрания, — ответил сэр Френсис М...

— Пусть войдёт! Пусть войдёт! — раздались крики. — Любопытно увидеть собственными глазами такого необыкновенно отважного человека!

— Но, быть может, этот невероятный проект лишь мистификация, — заметил старый капитан, выделявшийся своей апоплексической наружностью.

— А что, если доктора Фергюссона вовсе не существует? — выкрикнул какой-то насмешливый голос.

— Тогда нужно было бы его изобрести, — пошутил один из членов этого серьёзного общества.

— Попросите пожаловать сюда доктора Фергюссона, — распорядился сэр Френсис М...

И Самуэль Фергюссон, нисколько не смущаясь, вошёл в зал под гром рукоплесканий.

Это был мужчина лет сорока, среднего роста и обыкновенного сложения. Лицо у него было бесстрастное, с правильными чертами и румяное — признак сангвинического темперамента. Крупный нос, напоминавший нос корабля, — какой и должен быть у человека, рождённого делать открытия. Добрые глаза, в которых светились отвага и, главное, ум, придавали особую привлекательность его лицу. Руки были длинноваты, а уверенная поступь изобличала хорошего ходока.

Весь облик доктора дышал таким спокойствием и серьёзностью, что при виде его и в голову не могла прийти мысль о мистификации, даже самой невинной.

Поэтому крики «ура» и аплодисменты замолкли лишь тогда, когда доктор Фергюссон любезным жестом попросил дать ему возможность говорить. Он направился к приготовленному для него креслу;

став подле него, устремил на собрание решительный взгляд, поднял к небу указательный палец правой руки и произнёс всего одно слово:

— Excelsior!¹

Нет, никогда неожиданные парламентские запросы господ Брайта и Кобдена или выступления лорда Пальмерстона с требованиями чрезвычайных ассигнований для укрепления скалистых берегов Англии не имели такого бурного успеха, как это брошенное доктором Фергюссоном слово. Оно совершенно затмило и самый доклад сэра Френсиса М... Доктор показал себя человеком одновременно великим, скромным и осторожным. Всё дело он умудрился охарактеризовать единым словом: «Excelsior».

Старый капитан, сразу перешедший на сторону этого необыкновенного человека, немедленно потребовал, чтобы речь Фергюссона была «полностью» напечатана в «Известиях Лондонского географического общества».

Но кто же был этот доктор Фергюссон и какому делу собирался он себя посвятить?

Отец молодого Фергюссона, смелый капитан английского флота, с самого раннего возраста приучил сына к опасностям и приключениям своей профессии. Славный мальчик, по-видимому никогда не знавший, что такое страх, рано проявил живой ум, исследовательские способности и удивительную склонность к научной работе; кроме того, он обладал редким умением выходить из затруднительных положений. Ничто никогда не ставило его в тупик: даже впервые взяв вилку, он не растерялся, как это бывает обыкновенно с детьми.

Рано пристрастился он к чтению книг о смелых походах и морских экспедициях, возбуждавших его

¹ Высочайший! (*лат.*)

фантазию. Со страстным интересом изучал он открытия, ознаменовавшие первую половину девятнадцатого века. Он мечтал о славе Мунго Парка, Брюса, Кайе, Левайяна и даже о славе Селькирка — прообраза Робинзона Крузо, которая казалась ему не менее заманчивой. Сколько чудесных часов провёл мальчик с Селькирком на его острове Хуан Фернандес! Юный Самуэль порой одобрял действия одинокого матроса, порой не соглашался с его планами и проектами. Ему казалось, что на его месте он поступил бы иначе, быть может, лучше и, во всяком случае, не хуже! И уж, наверное, он никогда не покинул бы этого благодатного острова, где Робинзон был счастлив, как король без подданных. Никогда! Даже если бы ему, Самуэлю, предложили стать первым лордом Адмиралтейства.

Можно представить себе, как развились все эти склонности в пору его молодости, среди приключений, пережитых во всех частях земного шара! Отец его, будучи сам образованным человеком, не преминул развить живой ум сына серьёзным изучением гидрографии, физики, механики, а также познакомить его с основами ботаники, медицины, астрономии.

Когда почтенный капитан Фергюссон скончался, сыну его Самуэлю было двадцать два года и он уже успел совершить кругосветное плавание. После смерти отца он вступил в бенгальский инженерный корпус и отличился в нескольких сражениях.

Но жизнь солдата была не по душе молодому Фергюссону: не стремясь сам командовать другими, он не желал никому подчиняться. Он вышел в отставку, стал путешествовать и, то охотясь, то составляя гербарий, добрался до северной части полуострова Индостан и пересёк его от Калькутты до Сурата — простая прогулка любителя.

Из Сурата он отправляется в Австралию и здесь в 1845 году принимает участие в экспедиции капитана Стёрта, на которого была возложена задача найти огромное озеро, расположенное, по предположению учёных, в центральной части Новой Голландии¹.

Году в 1850-м Самуэль Фергюссон возвращается в Англию. Охваченный более чем когда-либо страстью к открытиям, он до 1853 года сопровождает капитана Мак-Клора в его экспедиции, обогнувшей американский континент от Берингова пролива до мыса Фарвель.

Фергюссон хорошо переносил все климаты и все трудности, встречаемые на пути. Он прекрасно чувствовал себя среди самых тяжких лишений. Это был тип настоящего путешественника, чей желудок сжимается и расширяется смотря по обстоятельствам, чьи ноги укорачиваются и удлиняются в зависимости от длины случайного ложа, на котором он может в любой час дня заснуть и в любой час ночи проснуться.

Поэтому неудивительно, что наш неутомимый путешественник с 1855 по 1857 год исследует в обществе братьев Шлагинтвейт всю западную часть Тибета и возвращается из этой экспедиции с запасом любопытных этнографических наблюдений.

Принимая участие во всех этих экспедициях, Самуэль Фергюссон в то же время был самым деятельным и самым популярным корреспондентом дешёвой, всего в один пенс, газеты «Дейли телеграф», стотысячный тираж которой не мог удовлетворить спрос миллионов читающей публики. Вот почему доктор Фергюссон пользовался такой известностью, хотя он и не состоял членом ни одного научного уч-

¹ Новая Голландия — первоначальное название Австралии.

реждения, ни одного географического общества — Лондона, Парижа, Берлина, Вены или Петербурга, ни «Клуба путешественников», ни даже Королевского политехнического общества, где тон задавал его друг, статистик Кокбёрн.

Шутки ради этот учёный предложил однажды Фергюссону следующую задачу: зная число миль, пройденных им вокруг света, длину радиуса земного шара и собственный рост, вычислить на этом основании, насколько путь, проделанный его головой, длиннее пути, пройденного его ногами. Или же, зная две эти первые величины, вычислить собственный рост с точностью до одной линии¹.

Но Фергюссон всегда держался вдали от учёных обществ, принадлежа, так сказать, к секте воинствующей, а не болтающей, и считал более полезным употреблять время на исследования и открытия, чем на споры и разглагольствования.

Рассказывают, что некий англичанин специально приехал в Швейцарию, для того чтобы осмотреть Женевское озеро. Его усадили в одну из тех старых карет, где сиденья устроены, как в омнибусах, по бокам. Случайно наш англичанин оказался спиной к озеру. И вот, объехав его кругом, он ни разу не подумал оглянуться и вернулся в Лондон в восторге от Женевского озера!

Доктор же Фергюссон не раз оборачивался во время своих странствований и, оборачиваясь, многое повидал. Это уж было в его натуре. И мы имеем основание думать, что доктор был немного фаталистом, но фаталистом особого склада: он надеялся на себя и даже на провидение, но считал, что какая-то сила толкает его путешествовать и, объезжая земной шар, он уподобляется паровозу, который не

¹ Л и н и я — мера длины, равная 2,54 мм.

избирает направления, а мчится по проложенным рельсам.

— Не я гонюсь за дорогой, а она за мной, — часто говаривал он.

Отсюда понятно то хладнокровие, с которым доктор Фергюссон встретил аплодисменты членов географического общества. Он, не знавший ни гордости, ни тщеславия, был выше подобных мелочей. Предложение, сделанное им президенту общества сэру Френсису М..., он считал делом простым и естественным и даже не заметил, какое огромное впечатление оно произвело на собрание.

По окончании заседания доктора привезли на улицу Пэлл-Мэлл в «Клуб путешественников», где в честь него было устроено великолепное пиршество. Количество блюд соответствовало значению, которое придавалось экспедиции почётного гостя, а поданный на стол осётр был только на каких-нибудь три дюйма короче самого Самуэля Фергюссона.

Французские вина лились рекой, провозглашалось множество тостов в честь знаменитых путешественников, прославившихся своими исследованиями Африки. Пили за здоровье одних и за светлую память других, придерживаясь при этом алфавита, что уж было совершенно по-английски: пили за Аббади, Адамса, Адансона, Андерсона, Арно, Арнье, Барта, Бейки, Бельтраме, Бёртона, Бёрчела, Бика, Бимбачи, Болвика, Болдуина, Болзони, Болоньези, Боннемена, Брэн-Ролле, Брауна, Бриссона, Брюса, Буркхардта, Вайлда, Вальберга, Варингтона, Вашингтона, Вейсьера, Венсана, Верне, Винко, Водейя, Галинье, Гальтона, Гольберри, Дебоно, Дезаваншера, Деккена, Денхема, Диксена, Диксона, Дочарда, Дункана, ДюБерба, Дюверье, Дюрана, Дюруле, Дю Шаллю, Жоффруа, Ибн-Батута, Кайе, Кайо, Кауфмана, Кёмминга, Кемпбелла, Клаппертона, Клот-Бейя, Кноблехера,

Коломье, Крапфа, Куммера, Куни, Курваля, Лажайя, Ламбера, Ламираля, Ламприера, Лафарга, Левайяна, Лежана, Ленга, Джона Лендера, Ричарда Лендера, Лефевра, Ливингстона, Мадьяра, Мак-Карти, Мальзака, Мольена, Монтейро, Моррисона, Моффата, Мунго-Парка, Мэзана, Нейманса, Овервега, Пане, Пар-таррьо, Паскаля, Педди, Пеней, Пирса, Питрика, Понсе, Пракса, Рата, Раффенеля, Ребмана, Рилейя, Ритчи, Ричардсона, Ронгави, Роше д'Эрикура, Рошера, Рюппеля, Сонье, Спика, Такки, Таусни, Тибо, Тирвитта, Томпсона, Торнтонна, Троттера, Туля, Ферре, Фогеля, Френеля, Халма, Хана, Хейнглина, Хорнемана, Хоутона, Чепмена, Штейднера, Эккара, Эмбера, Эрхардта, д'Эскейрак де Лотюра.

Наконец, подняли бокалы за доктора Самуэля Фергюссона, который своим удивительным начинанием должен был связать воедино труды всех своих предшественников и внести свой вклад в изучение Африки.

ГЛАВА ВТОРАЯ

*Заметка в газете «Дейли телеграф». —
Полемика в научных журналах. — Доктор
Петерман поддерживает своего друга доктора
Фергюссона. — Ответ учёного Конера. —
Заключение многочисленных пари. — Различные
предложения, сделанные доктору Фергюссону.*

На следующий день, 15 января, в газете «Дейли телеграф» была напечатана следующая заметка:

«Наконец-то Африка раскроет тайну своих необъятных просторов. Современный Эдип¹ разгадает загадку, которая была не по силам учёным в течение

¹ Э д и п — герой греческих преданий, разгадавший загадку Сфинкса.

шестнадцать веков. В былые времена искать истоки Нила (*fontes Nili quaerere*) считалось безумной попыткой, неосуществимой мечтой.

Доктор Барт, шедший до Судана по пути, начертанному Денхемом и Клаппертоном; доктор Ливингстон, проделавший свои отважные исследования от мыса Доброй Надежды до бассейна реки Замбези; капитаны Бёртон и Спик, открывшие Великие внутренние озёра, — все эти путешественники проложили для современной цивилизации три новых пути. Точка пересечения этих путей есть как бы сердце Африки, куда до сих пор не удалось проникнуть ни одному путешественнику. Сюда-то и должны быть устремлены все усилия учёных.

И вот доктор Самуэль Фергюссон, чьи славные исследования не раз были оценены по заслугам нашими читателями, возобновляет труды смелых пионеров науки, предпринимает ещё одну отважную попытку.

Этот неустрасимый исследователь намерен пересечь на воздушном шаре всю Африку с востока на запад. Если мы не ошибаемся, то исходным пунктом его изумительного путешествия будет остров Занзибар, расположенный у восточного берега Африки. Что же касается конечного пункта, он известен лишь провидению.

Вчера на заседании Лондонского Королевского географического общества было доложено об этой предполагаемой научной экспедиции, и тут же на заседании было ассигновано на покрытие её расходов две тысячи пятьсот фунтов стерлингов.

Мы будем держать наших читателей в курсе этой экспедиции, не имеющей прецедента в географических летописях».

Разумеется, эта заметка наделала много шума; прежде всего она вызвала целую бурю сомнений:

доктор Фергюссон казался какой-то сказочной личностью. Говорили, что все это вымысел Барнума, который в своё время «подвизался» в Соединённых Штатах, а теперь мистифицирует Англию. В февральском номере «Известий географического общества», издаваемых в Женеве, появилась остроумная статейка, высмеивающая Лондонское географическое общество, пиршество в «Клубе путешественников» и даже феноменального осетра.

Петерман в своём «Бюллетене», издаваемом в Готе, заставил замолчать женевский журнал. Он лично знал доктора Фергюссона и ручался за неустрашимость своего отважного друга.

Впрочем, вскоре все малoverы были окончательно посрамлены: приготовления к путешествию делались в самом Лондоне. Стало известно, что лионские фабрики получили солидный заказ на шёлковую тафту для воздушного шара; и, наконец, британское правительство предоставило в распоряжение доктора Фергюссона корабль «Решительный» под командой капитана Пеннета.

Тут сразу со всех сторон посыпались тысячи поздравлений и пожеланий успеха. Описание подробностей экспедиции появилось на страницах парижских «Известий географического общества», интересная статья была напечатана в «Новых анналах путешествий, географии, истории и археологии», издаваемых В.-А. Мальт-Бреном, добросовестный научный труд был опубликован в немецком «Географическом вестнике» доктором В. Конером, который убедительно доказывал возможность такого путешествия, вероятность его успеха, характер препятствий и громадные преимущества передвижения по воздуху. Не одобрял он лишь отправной точки: по его мнению, разумнее было бы выбрать Массауа, маленький порт в Абиссинии, откуда Джемс Брюс в 1768 году